

20.7.95

Петрушевская Людмила

Дмитрий БЫКОВ

В сборник Людмилы Петрушевской «Тайна дома» (СП «Квадрат», 1995, 25000) — самый объемистый и полный из всех, вышедших на родине автора, — вошли циклы «Бессмертная любовь», «В садах других возможностей», «Песни восточных славян», «Тайна дома», «Реквиемы», «Монологи», а также повесть «Время ночь».

Трудно сказать, что лучше: когда писатель — каждый раз новый и разный, или же когда он узнается по первой строчке, по одной интонации, и, таким образом, у него есть ярко выраженное свое лицо, хотя и несколько однообразное. Наш автор придумал прозу очень простую, построенную на отказе от приема. Получился такой сказ нового типа, замешенный на эсхатологизме. Все у Петрушевской ждущее катастрофы, и это очень точно подмечено, потому что дальше так продолжаться не может, так было во все времена, но во все времена людям было чем утешаться, а современному человеку нечем, и вот мы все живем в пространстве какого-то «пока», то есть пока нас терпят, но скоро начнется. Стилистически это вот что: представьте себе (Петрушевская очень любит это «представьте себе») бессоюзное предложение, но не трифоновское, насыщенное и многозначное, а длинное, с повторами и вводными словами, как рассказ коммунальной соседки, ненужный и длинный: мужа нет, парализованная бабушка-инвалид, любовник тоже парализованный, но каким-то образом умудряется еще гулять на сторону, хотя и мочится под себя и тэ дэ. «Тэ дэ» Петрушевская тоже очень любит, как и всякого рода канцеляризм, населяющие речь ее

персонажей, да и авторскую часто, — а что ж автор, не отсюда родом, что ли, в тех же очередях стоял и по тем же кругам ходил. И вот в этот поток слов-паразитов и насекомых-паразитов, паралитиков и орущих младенцев, безответно любящих матерей и беззаветно гуляющих дочерей врывается вдруг фраза из области высокой метафизики, скрытая цитата, указывающая, что автор знаком с европейской литературой ого-го как, или вдруг точнейший диагноз, психологический или психиатрический, или еще какое-нибудь очень сильное слово. А бывает так, что общая интонация монотонно-ужасного рассказа нарушается пронзительной нотой сострадания, Бог ведь как сюда залетевшей, и вот этот стык придает прозе Петрушевской ту изюминку, безуминку и что там еще, которая так легко опознается, потому что становится понятно, что это не абы кто говорит такой мучительной речью, а это жизнь заставила так разговаривать человека, с талантом, и он теперь похож на то алоэ, которое растет в рассказе «Смотровая площадка»: приспособляясь к герою, это алоэ превратилось в длинную суковатую палку фаллического вида, практически без листьев и тэ дэ.

Составляя свое избранное, Петрушевская подошла к внушительному объему написанного ею довольно не критично. И стало ясно, что такие вещи, как «Свой круг» и «Смотровая площадка»,

139

Общая гал.-1995-
20 июля.-с.10

ЧТО ПОЧЕМ

Неистребимые мы

рассказы, по-моему, действительно гениальные, новаторские, у Петрушевской большая редкость. Любая критика в адрес раздела «Реквиемы» звучит, наверное, кощунственно, как, скажем, попытка уловить фальшивые ноты в вопле тонущего человека, умоляющего спасти его из колодца, но и здесь немало произведений необязательных. Идеальным мне кажется только раздел «В садах других возможностей» — не зря Петрушевская считает себя прежде всего сказочником и действительно сочиняет замечательные сказки, если только ее пластинку не заедает вдруг на чем-нибудь диком и животном, однообразном и давно уже несмешном. Чувство меры — вообще категория довольно условная применительно к прозе Петрушевской, ибо все там — за гранью, болевой порог превышен раз и навсегда, деталям кровавым и грязным несть числа. Так смотрит на мир человек, любящий изящное и возвышенное, но обреченный копаться в отбросах. Эту изначальную уязвленность Петрушевской прекрасно подметил еще года три назад Евгений Шкловский, анализируя самое черное произведение нашего автора — «Время ночь»: не то чтобы мир на самом деле так беспросветен, но взгляд автора всегда обращен на беспросветное, на самое низкое, это низкое уязвило, ущемило его душу раз и навсегда. Отсюда удвоенная ужасность быта в прозе Петрушевской, а поскольку все это пишет человек воз-

вышенный, то главная черта Петрушевской-прозаика — sentimentalность. Ее персонажи — предельно незащитные существа: болезненные пенсионеры, матери, бросаемые беспутными детьми, и дети-инвалиды, и тихие алкоголики, и шизофреники со своими шизофреничками: «Кого тут было побеждать — стариков, женщин и невротиков, что ли? Другое дело, что таковыми мы все являемся».

Правда, тут Петрушевская совершает существенную подмену. Петрушевская вставляет всем героям свои глаза — всем пенсионерам, придуркам, рабочим она дает свой мозг и взгляд уязвленного жизнью интеллигента, родом из книжного детства, чувствующего себя безнадежно затерянным в мире. Люди, живущие в безднах Петрушевской, либо этих бездн не осознают, в этом их спасение, либо имеют свои маленькие радости, которых не видит отчаявшийся повествователь. Петрушевская не оставляет своим героям никаких лазеек, а чаще всего мне кажется, что она им не сострадает. Не сострадает, потому что у нее прозы другая функция.

У Петрушевской есть блестящий рассказ «Кто ответит» — о том, что некому ответить за муки одинокой женщины, умирающей в больнице от неизлечимой, грязной и страшной болезни, доводящей ее к тому же до безумия. Некому за это отвечать, по крайней мере, вслух. Трезвое сознание

этого не мешает Петрушевской копить факты для гигантского свидетельского показания — и обвинять, обвинять, обвинять, предъявлять безадресный счет, издеваясь над такими сакральными понятиями, как смысл жизни (смотри одноименный рассказ), бессмертная любовь (смотри одноименный раздел) — и признавая только такое понятие, как тайна дома (смотри одноименную книгу), потому что при всем ужасе жизни вообще непонятно, как этот дом стоит, и тем не менее он стоит.

Несмотря на благородство такой посылки, проза Петрушевской все-таки очень однообразна и по приемам, и по коллизиям, и по набору типажей, и даже по роду их занятий (машинистки, неудавшиеся ученые, несостоявшиеся завлабы, собирающиеся своим кругом поесть свеклы с майонезом или выпить водки, причем среди персонажей преобладают опять-таки матери-одиночки, отцы-диабетики с перхотью и в очках, пожилые географички с глазами навывкате и в ортопедических ботинках и тэ дэ три раза). Что говорить, все это есть в жизни, и есть, наверное, такое, о чем не осмеливается писать даже Петрушевская, но констатация сама по себе не обеспечивает ни утешения, ни катарсиса. Вообще лучшие вещи ее соотносятся с худшими, как катарсис с катаром. Когда автор дает себе труд придумать сюжет, он пишет такой шедевр, как «Новые Робинзоны» или «Сила воды» с их пафосом непобедимости человека. Даже среди выживания, которым непрерывно заняты герои, они умудряются вызвать у читателя гордость за непотопляемое человечество.

«Истребима, истребима, вот в чем дело», — с горечью говорит Петрушевская о жизни. Однако в лучших вещах Петрушевской выходит так-таки, что она неистребима. Поди пойми, почему. И тэ дэ.